

DOI: 10.31857/S0869049922060089
EDN: FCKVAV

ТОЧКА ЗРЕНИЯ POINT OF VIEW

Оригинальная статья / Original article

Индия как «государство-цивилизация»¹

© А.Г. ВОЛОДИН

Володин Андрей Геннадьевич, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), andreivolodine@gmail.com. ORCID: 0000-0002-0627-4307

На примере Индии рассмотрен феномен «государства-цивилизации». Выделены системообразующие качества данного явления, выявлены причины нынешнего интереса к поведению таких «государств-цивилизаций», как Индия, Иран, Китай и т. д. Сегодня политическое самоутверждение «государств-цивилизаций» выступает реакцией на кризис глобализма и тенденцию к формированию полицентрического мироустройства. Показан процесс становления Индии как современного «государства-цивилизации», определена роль доколониального, колониального и независимого периодов в эволюции индийского общества, определены причины сохранения социально-экономического и культурного дуализма индийского социума. В заключительной части представлен анализ путей развития независимой Индии, дана оценка соотношения начал представительной демократии и «парламентского авторитаризма» в функционировании «индийской политической модели». Подчеркнута и обоснована устойчивая роль национального государства как во внутреннем развитии, так и при переходе к полицентричному устройству мировой системы.

Ключевые слова: Индия, государство, цивилизация, политическая модель

Цитирование: Володин А.Г. (2022) Индия как «государство-цивилизация» // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 106–124. DOI: 10.31857/S0869049922060089, EDN: FCKVAV

¹ Финансирование. Грант Российского научного фонда «Индия и Китай в последние полвека: сопоставление путей социально-исторической эволюции». Номер гранта: 22-28-01829. Грант осуществляется в Институте научной информации по общественным наукам РАН.

Funding. Grant of the Russian Science Foundation “India and China in the Last Half Century: Comparison of the Paths of Socio-Historical Evolution”. Grant number: 22-28-01829. The grant is implemented at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.

India as a Civilizational State

© A. VOLODIN

Andrey G. Volodin, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), andreivolodine@gmail.com. ORCID: 0000-0002-0627-4307

Abstract. The article is focused on the “civilizational state” phenomenon, using India as a case study. The basic characteristics of the “civilizational state” are outlined, as well as the reasons behind the interest to such societies as India, China, Iran, etc. Nowadays, the political self-assertion of “civilizational states” is a natural reaction to the “conceptual” crisis of globalism and to emerging trends towards the formation of a new, polycentric world order. The arising of India as a viable “civilizational state” is scrutinized. In this pivotal process, the role of pre-colonial, colonial and independence periods in the formation of modern Indian polity is assessed. The sustainability grounds for Indian society’s socio-economic and cultural dualism are estimated. In conclusion, the operating of the “Indian political model” combining elements of representative governance and “competitive authoritarianism” is evaluated. The “axial” role of the state, both in domestic development and in transition to the polycentric world order, is noted.

Keywords: India, state, civilization, political model

Citation: Volodin A. (2022) India as a Civilizational State. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 106–124. DOI: 10.31857/S0869049922060089, EDN: FCKVAV

В последнее время в мировом академическом пространстве все чаще звучит тема «государства-цивилизации» (civilizational state). Данная проблематика не обошла стороной и российские общественные науки. «Три десятилетия кризисного существования России в конце XX – начале XXI в. в стране проводилась попытка радикальной смены экономической, политической и социальной парадигмы, а также приобщения к неолиберальному стандарту», – полагает философ В.И. Спиридонова. – «В результате сформировалась ситуация, которая неоднократно имела место в ее истории – возникла необходимость сконцентрировать все силы на восстановлении и укреплении своей цивилизационной субъектности... Как в предшествующие периоды, так и сегодня, два главных фактора – внешнее давление сильных мировых держав и внутреннее экономическое неустройство – ставят перед страной задачу цивилизационного сбережения с акцентом на сохранение ядра самобытной системы ценностей» [Спиридонова 2022, 117]. Можно сказать, что живой интерес к проблематике «государства-цивилизации» на новом уровне знаний и политической практики по-своему воспроизводит академические дискуссии второй половины 1980-х гг. Тогда в центре внимания находились такие древние цивилизации и государства, как Иран, Индия и Китай.

«Государство-цивилизация» как объект научного анализа

Категория «государство-цивилизация» циркулирует в мировом научном пространстве примерно с конца 1980-х – начала 1990-х гг., когда обществоведы, пожалуй, впервые начали всерьез анализировать мотивы внутри- и внешнеполитического поведения перечисленных древних обществ. Не исключено, что к творческим поискам их побудила исламская революция в Иране 1978–1979 гг. Изначально к незападным обществам применяли дефиницию «государство-нация», которая имплицитно предполагает, что государ-

ство за пределами «североатлантической цивилизации» первично, тогда как общество в данном регионе, в отличие от Запада, вторично.

Следующим этапом познания и описания «государства-цивилизации» стали работы крупного американского ученого и обществоведа С. Хантингтона, который прогнозировал, помимо прочего, возможный раскол человечества по цивилизационно-культурным линиям размежевания [*Huntington* 1996]. Работы исследователя, в свою очередь, учитывали уже накопленный мировой научной мыслью пласт академических усилий, включая сочинения О. Шпенглера, А. Тойнби, Л.Н. Гумилева и других авторов.

Что есть «государство-цивилизация»? Под цивилизацией принято понимать устойчивое и целостное культурно-историческое образование, которое отличается общностью духовных ценностей, вековых традиций и поведенческих мотиваций, унификацией социально-политического и материально-производственного развития, особенностями образа жизни и определенным типом личности, сходными этническими признаками и четко очерченными географическими пределами обитания. Одна из центральных характеристик цивилизации – длительное совместное проживание на определенном территориальном пространстве. Соответственно, можно утверждать, что в основе феномена «государства-цивилизации» лежат несколько руководящих принципов. В качестве системообразующих следует отметить следующие:

- единство исторического и территориального пространства, которое образует своего рода географический каркас данной цивилизации;
- общность исторической памяти или, что точнее, социально-исторического опыта (как описывал данное явление советский эстонский философ Э.Н. Лооне [*Лооне* 1980]) данной области, которая объединяет и связывает в общность представителей различных национальностей, образующих суперэтнос;
- высокоразвитый литературный язык, который выступает культурно-лингвистической коммуникативной основой такого суперэтнуса, его несущей цивилизационной конструкцией. Такой язык принимают в качестве средства межнационального общения (*lingua franca*) абсолютное большинство населения, он способен адекватно отражать и выражать явления и процессы индустриальной стадии развития общества и того нового типа деятельности, которые создает научно-техническая революция.

«Государства-цивилизации» включены в развивающиеся процессы современного мира, которые отражены в следующих важных для будущей ойкумены явлениях:

- 1) продолжающийся идейно-культурный и политэкономический упадок сил глобализма и ассоциированных с данной парадигмой групп мировых элит. С. Хантингтон называл этот социально-политический слой «транснационалами» [*Huntington* 2004];
- 2) возможное появление на политической карте мира новых «государств-цивилизаций»;
- 3) активное наступление на глобализм и родственные ему идейно-политические течения со стороны национального популизма, рост которого на Западе приобрел, скорее всего, невозвратный характер.

Запад популяризирует концепцию «универсальной цивилизации», которая подчиняет законам своего развития остальную ойкумену. С. Хантингтон называл универсализм идеологией противостояния другим странам и контроля их внутренней и внешней политики. В настоящее время попытки коллективного Запада сохранить мировой либеральный порядок (который сам стал продуктом «североатлантических» культурных норм и установок) наталкиваются на сопротивление России и Китая, которые воссоздают себя как «государства-цивилизации». Так идеи С. Хантингтона обретают второе дыхание – правда, с существенной оговоркой: происходит не столкновение цивилизаций, как отмечает британский политолог К. Коукер, а столкновение «государств-цивилизаций» [*Coker* 2019].

Впрочем, в свое время С. Хантингтон обращал внимание на подвижность границы между категориями нация и цивилизация. Они обе, подчеркивал ученый, «воображаемые/идеал-типические сообщества». Нация представляет собой сообщество действующее, тогда как цивилизация – это вместилище ценностей, мировоззренческих установок и поведенческих моделей, которые приводит в действие сама жизнь [Huntington 1996]. Значение научного творчества С. Хантингтона состоит прежде всего в том, что он вовремя поставил проблему, которая стала актуальной после кризиса мирового устройства в результате слома своеобразного «стягивающего обруча» мировой политики, советско-американской bipolarности. Так, в его работах обсуждались вопросы «цивилизационных войн», «серых зон» (пространств, не входящих в основные цивилизации), «ядер» цивилизаций (экономических и культурных) и их «периферии».

Строго говоря, исследователь не выдвигал проблему «серых зон», «ядер» и «периферии» цивилизаций как самостоятельную парадигму. Тем не менее, она логически вытекала из тезиса С. Хантингтона о возможном столкновении цивилизаций. Возможно, и нынешний конфликт между просуществовавшим три десятилетия «униполярным» мироустройством и идущим ему на смену полицентричным глобальным порядком невольно заслоняет цивилизационную проблематику. Однако и при новой международной системе противоречия между цивилизациями не исчезнут, как и не прекратятся попытки элит использовать такие трения в своих эгоистических интересах. Одновременно мысль С. Хантингтона о конфликте культур и цивилизаций повторяет и обогащает известный тезис В.И. Ленина о том, что «широкие народные массы» пробуждаются к активной политической деятельности со всем грузом своих предшествовавших представлений, предрассудков и предубеждений (ученый был знаком с деятельностью В.И. Ленина по созданию современного государства в России [Huntington 1968]).

Облик мира меняется очень быстро. Россия, Китай, Индия и другие страны уже начинают рассматривать «североатлантическую цивилизацию» как одну из многочисленных цивилизаций современного мира. По сути, отрицание универсальности западной цивилизации есть не что иное, как современное воспроизведение логики работ О. Шпенглера, А. Тойнби, Л.Н. Гумилева и других классиков «цивилизационного» жанра. Сформулировать ее можно так: если Запад претворяет в жизнь свое видение мира с помощью институтов государственной власти (в том числе военной силы), почему Китай, Индия, Россия и другие «государства-цивилизации» должны при защите своих национальных интересов воздерживаться от аналогичной линии? Почему «государства-цивилизации» не могут строить свои общества согласно собственным нравственным принципам, если за их спиной находятся многомиллионные массы народа?

Сегодня «цивилизационное полотно» ойкумены выглядит следующим образом: в мире плотной, всесторонней взаимозависимости основные цивилизации имеют универсалистский характер – прежде всего для собственных граждан. Цивилизации-государства ведут борьбу за повышение своего статуса в глобальной геополитической иерархии. В то же время все они принадлежат к мировой экономической и политической системе, входят в ее общий внутренний ландшафт. Общность также проявляется в том, что практически все государства сталкиваются с серьезными социально-экономическими и демографическими вызовами. Неудивительно, что в силу логики внутренних потребностей современные цивилизации вынуждены сосредоточиться на «повестке развития», т. е. на решении проблем экономического роста, производительной занятости населения и снижении ущербных для общества социально-имущественных диспропорций.

Основным носителем и движущей силой развития современной цивилизации выступает человеческая общность, которую (видимо, не без влияния Л.Н. Гумилева) в совре-

менном мире именуют суперэтнсом (русский или российский суперэтнос, американский суперэтнос, индийский суперэтнос, китайский суперэтнос, бразильский суперэтнос и т. д.). Советский востоковед-теоретик Л.И. Рейснер считал цивилизацию еще более объемной и фундаментальной историко-философской категорией, чем общественно-экономическая формация [Рейснер 1993]. Мысль исследователя становится особо актуальной и продуктивной сегодня, когда тенденция становления «государств-цивилизаций» преодолевает препятствия, создаваемые политическими элитами, и искусственные границы, проведенные в предшествовавшие периоды мировой истории.

Суперэтнсы существуют и эволюционируют в мирополитической среде, наполненной всевозможными противоречиями. У каждого из них наличествуют проблемы роста и развития. Для русского/российского суперэтноса она заключается в определении пространственных пределов отечественной «неовизантийской» цивилизации и форсированном развитии российского интеграционного проекта, который встречал существенные препятствия как в имперский, так и в советский периоды развития страны. Суть проблемы состояла в том, что Россия («неклассическая» империя) финансировала за счет субвенций (т.е. целевых инвестиций) «окраины» (союзные республики).

Американский суперэтнос не способен четко определить качественные характеристики производительных сил общества США при сознательном регулировании миграционных потоков и качественном повышении образования (прежде всего в начальной и средней школах). Политическая задача восстановить классическое образование стоит не только перед США, но и перед другими «государствами-цивилизациями».

Стратегической задачей индийского суперэтноса остается формирование максимально благоприятных внутренних условий его эволюции, главной политэкономической предпосылкой которого считается поступательное снижение межрегиональных диспропорций и социально-имущественных диспаритетов развития общества. Правительство Н. Модии стремится достигнуть поставленных целей, повышая темпы экономического роста в депрессивных штатах. «Триязычная» формула общения в стране (хинди, английский, национальный язык штата) представляется оптимально возможной формой благоприятного развития индийского суперэтноса.

В непротиворечивой эволюции *китайского* суперэтноса особая роль отводится фактору политэкономического происхождения: энергичному выравниванию качества социально-экономического развития ушедших вперед восточных и южных провинций, с одной стороны, и остальной территории Поднебесной – с другой.

Наконец, бразильский суперэтнос, о чем давно говорят в крупнейшей стране Латинской Америки, получит новый импульс внутреннего развития в результате полноценной интеграции Амазонии и других северных территорий в общее пространство экономического роста и развития Бразилии. Следует отметить, что Бразилия встала на путь интеграции в мировую политику с заметным опозданием, во второй половине 1990-х гг. Особая роль в «глобальном выборе» страны принадлежит бывшему президенту Бразилии, выдающемуся экономисту и социологу Ф.Э. Кардозу.

С. Хантингтон, развивая мысли своих предшественников и обогащая их своими наблюдениями, подчеркивал растущее значение «цивилизационного сознания» – особенностей структур ментальности у различных цивилизаций, воздействие которых на характер мировой политики возрастает. Кризис «усеченной» (ограниченной узким кругом стран) глобализации [Nayar 2005] обострил отношения между государствами на политэкономической основе. Объективно нарастали противоречия между институциональными рамками глобализации (в которых коллективный Запад после окончания холодной войны играл главенствующую роль) и реально меняющейся политэкономической конфигурацией мирового

пространства – в пользу незападных обществ [Травкина, Васильев 2022]. Иначе говоря, происходило становление «постамериканского мира» [Zakaria 2008]. Автор данной концепции, политический аналитик Ф. Закария, по-своему развивал идеи С. Хантингтона о том, что Западу следует отказаться от «универсализма» североатлантической цивилизации, а также перестать навязывать западные представления и ценности остальному миру. Мысль о том, что Соединенным Штатам необходимо учитывать интересы других стран в своей внешней политике, отчетливо звучала в работах таких крупных обществоведов, как У. Ростоу, П. Кеннеди и др. Таким образом, не только С. Хантингтон, но и многие влиятельные интеллектуалы Запада выступали за диалог цивилизаций и новую модель международных отношений.

Понятно, что основными субъектами международных отношений мира ближайшего будущего станут «государства-цивилизации» и населяющие их суперэтноты. Каковы перспективы формирования этих субъектов мировой политики по странам и континентам?

В «колыбели» современной индустриальной цивилизации, Западной Европе, в настоящее время отсутствует господствующий численно, интеллектуально и культурно западноевропейский суперэтнос. Так, Великобритании предстоит кропотливая работа по сохранению единства и территориальной целостности островного государства, учитывая, что энергично развиваются ирландский и шотландский этносы, которые жаждут политического самовыражения. Попытка части лондонских элит отвлечь внимание от «домашних» проблем кипучей деятельностью за пределами государства-архипелага приводит лишь к новым трудностям, которые наслаиваются на неразрешенные прежние противоречия. В странах-«локомотивах» развития Евросоюза, Германии и Франции, социальная структура социума давно имеет фрагментированный характер (что регулярно фиксирует статистика национальных выборов), поэтому формирование на их территории современных суперэтносов остается делом относительно нескорой исторической перспективы. Еще сложнее складывается внутренняя ситуация в Италии, где пока не сформировались необходимые условия для реальной политэкономической интеграции Севера и Юга (который сами итальянцы порой называют «средиземноморской цивилизацией»).

Очевидно, что, несмотря на интеграционные старания Евросоюза, в Западной Европе пока не сформировался руководящий национально-цивилизационный «ствол», организующий центр культурной и политической жизни. Идея европейского единства слишком абстрактна, чтобы увлечь своим обаянием народы этого «полуконтинента». Внутренней энергии Германии и Франции определенно не хватает, чтобы вывести на траекторию самоподдерживающегося роста «серые зоны» или лиминальные пространства – прежде всего территории бывших социалистических стран. В настоящее время лидеры европейской интеграции исчерпали свой потенциал поддержки этих государств. Обостряет проблематику развития и энергетический кризис, который постепенно приобретает общеевропейские масштабы.

Становление «государств-цивилизаций» на «глобальном Юге» также имеет свои особенности. В Африке активно формируется египетский суперэтнос, который вобрал в себя наследие древнеегипетской цивилизации, исламской культуры, а также адаптированных и трансформированных французского и английского влияний. Обретает нужные кондиции и характеристики марокканский суперэтнос, а также суперэтноты других стран Магриба. Продолжают развиваться нигерийский и другие суперэтноты Тропической Африки. В Южно-Африканской Республике, члене платформы БРИКС, происходят процессы как цивилизационной консолидации, так и формирования новой мирополитической идентичности. Похожее цивилизационное развитие наблюдается и в Латинской Америке. Следует отметить, что для формирования аргентинского суперэтноса центральное, «цивилизаци-

онное» значение имеет фактор территориального воссоединения, т. е. возвращение Мальвинских (Фольклендских) островов в «родную гавань».

«Государств-цивилизации» живут напряженной внутренней жизнью. Можно предложить новое название для полицентричного мира – «межцивилизационная модель международных отношений». Подобная форма межгосударственного общения предполагает постоянный и содержательный диалог самих цивилизаций-участниц мирового исторического процесса. Иными словами, устойчивое развитие мира будущего напрямую зависит от внутренней жизнеспособности/вitalности самих мировых цивилизаций. К их числу, несомненно, принадлежит Индия – древняя цивилизация и вторая по численности населения страна мира, которая, по прогнозам демографов, может стать первой уже в 2026 г. Длительная история экономического роста, соперничество с «великим северным соседом» Китаем, выдвигание «крупнейшей демократии мира» на позицию одной из ведущих глобальных держав – эти и другие обстоятельства требуют повышенного внимания к внутренним общественным процессам в Индии, к ее динамике развития «государства-цивилизации».

Индийская цивилизация и институты гражданского общества: механизмы взаимодействия

Современную Индию нередко называют «крупнейшей демократией мира». Политическая демократия в ней функционирует в условиях бесконечного разнообразия экологических, физико-географических, экономических, этнонациональных, социокультурных и иных условий, которые задают параметры социально-политического развития. В «крупнейшей демократии мира» проблемы ускорения экономического, социального и культурного развития имеют особую сложность – равно как и разработка оптимальных методов политического управления общественными процессами. На политический процесс в Индии до сих пор значительно влияют такие факторы доиндустриального происхождения, как дуалистическая социальная структура общества: сложный симбиоз современных классовых/социально-профессиональных общностей, с одной стороны, и традиционных институциональных объединений (каста, сельская община, большая семья и т. д), с другой. На содержание индийской политики продолжает влиять и наличие конфессий (и этносов), численность которых равна либо превосходит население крупных европейских стран.

Как индийские авторы понимают категорию «государство-цивилизация»? Применительно к внешней политике дипломат К. Сибал охарактеризовал Индию как *sui generis*, или как самостоятельную сущность, уникальную в своем роде. Внешнеполитической проекцией «самостоятельной сущности» стала концепция и практика «стратегической автономии», которая обрела свои основные черты в эпоху правления И. Ганди (1966–1977, 1980–1984). В упомянутый период Индия благодаря стратегическому союзничеству с Советским Союзом добилась статуса «почти» мировой державы. Геополитическим субъектом «стратегической автономии» выступает активно формирующийся индийский суперэтнос.

Цивилизационно-культурной и социально-политической персонификацией современной Индии стало специфическое, не-западное гражданское общество, которое начало развиваться в колониальный период. По мнению канадского историка Э.Т. Эмбри, исходный пункт траектории его развития относится к началу 80-х гг. XIX в., когда «взаимодействие политических, экономических и интеллектуальных усилий британских властей, с одной стороны, и традиционного индийского социума – с другой, сформировало новое общество, наделенное некоторыми структурными характеристиками современных ему госу-

дарств Запада и в организационном отношении становившееся качественно отличным от доколониальной Индии» [Embree 1980, 22]. Еще более определенно на сей счет высказался российский индолог А.А. Празиускас: индийское общество как категория социологии, считает он, «начало формироваться лишь после колониального завоевания, и этот процесс сопровождался как сближением различных социальных (в том числе этносоциальных) сегментов, так и обострением противоречий между ними» [Празиускас 1990, 47].

Чтобы понять общественные процессы в современной Индии, необходимо выяснить, как категории цивилизации и гражданского общества соотносятся друг с другом и взаимодействуют в повседневном политическом процессе. Под гражданским обществом в данной статье понимается (в соответствии с представлениями А. Грамши) «социальное пространство, где формулируются и артикулируются экономические и социальные интересы различных общностей, где приобретают явные очертания такие массовидные явления, как идеология и политика... мы можем определить гражданское общество как социальную инфраструктуру политики, т. е. как совокупность интересов, динамика взаимодействия которых обеспечивает воспроизводство и функционирование политических отношений» [Володин 2008, 33].

Понятно, что гражданское общество в независимой Индии формировалось не только под влиянием британского (практичного, основанного на непрямом управлении) колониализма. Однако в данный период получили стимул и определились основные тенденции и интенции развития индийской цивилизации, оказавшейся восприимчивой (более выражено, чем иранская и китайская цивилизация) к мировоззренческим установкам, которые в Западной Европе стали своеобразной питательной средой для индустриального способа производства и утверждения рационально мыслящей и действующей личности.

Так, наличие относительно развитой философской традиции и навыков абстрактно-теоретического мышления облегчило интеллектуальной элите колониального общества доступ и восприятие представлений, выработанных Античностью, Возрождением и Просвещением: политических свобод, правового государства и гражданского общества. Наконец, духовно-интеллектуальная среда индийской цивилизации не препятствовала появлению на авансцене общественной жизни незаурядных индивидуальностей – мыслителей, государственных деятелей, социальных реформаторов. Данная тенденция обрела акцентированные и массовидные формы уже в новое время. Достаточно назвать имена Р.М. Роя, Свами Вивекананды, Ауробиндо Гхоша, М.К. Ганди, Дж.Неру.

С другой стороны, религиозные системы Индии классического (доколониального) периода не содержали элементов, которые активизировали бы деятельностные начала человеческой личности: они не ориентировали индийцев на преобразование окружающей среды, на расширение их духовного и интеллектуального горизонта. В доколониальный период на Индостане не сложилась универсальная система ценностей, способная связать нерасторжимыми узами общество и государство в некое диалектически единое целое. Отсутствие подобной целостности препятствовало преодолению глубоких социально-культурных различий между регионами и группами социума, сдерживало формирование единообразной национально-этнической и государственно-политической общности. Религиозные центры («сакральные города») – Пури, Каджурахо, Танджур, Конарак, Удайпур – выступали ядрами региональной социально-культурной интеграции. Тем не менее данные традиционные центры в силу своих функций не могли (в отличие от западноевропейских городов) стать «полюсами» экономического роста и территориями, которые бы координировали, стимулировали и направляли хозяйственную, промышленную и коммерческую интеграцию всего обширного индостанского пространства. Появление городов индустриального типа логичнее связывать уже с колониальным периодом.

Формированию государственной системы универсалистского типа активно препятствовала и сословно-кастовая структура доколониального индийского общества. Она сдерживала развитие правовых отношений (превращение личности в субъект права) и конституирование социальных групп (вне традиционной иерархии) с общими экономическими интересами (гражданское общество есть прежде всего диверсифицированная и высокоразвитая система-сеть горизонтальных связей). В то же время индийская цивилизация испокон веков отличалась плюрализмом, толерантностью, интуитивным пониманием ущербности идеологических крайностей. Вытеснение буддизма индуизмом и превращение последнего в доминирующую религиозно-этическую систему значительно расширило общественную аудиторию данного идеологического учения. Индуизм сознательно делал акцент на принципах толерантности и отсутствии идеологического диктата. Однако, по справедливому замечанию историка Г.М. Бонгард-Левина, «толерантность эта была строго ограничена чисто религиозной сферой: индуизм с самого начала был охранителем сословно-кастовой неприкосновенности, активно боролся против каких-либо нарушений варновой иерархии, закреплял социальное неравенство» [Бонгард-Левин 1980, 307]. Существовало противоречие между терпимостью по отношению к представителям иных религий, с одной стороны, и безусловной поддержкой кастовой иерархии – с другой. Впоследствии оно укоренилось в индийской политике, где свобода дискуссий соседствовала с «неприкасаемостью» традиционной, по сути доиндустриальной социальной иерархии.

Некоторые новые элементы в развитие индийской цивилизации и общественных отношений привнес колониальный период (1757–1947). Постепенное включение входившей в Британскую империю Индии в систему мирового рынка требовало от колониальных властей рационализировать «освоение» обширного субконтинентального пространства, а также предполагало создание условий для адекватного восприятия Индией наиболее эффективных для того времени форм экономической и финансовой деятельности. Особое место Индии в имперской политике определялось уже тем, что среди стран Империи она находилась на первом месте по объему торговли с Англией. С 1880 г. от состояния англо-индийской торговли зависели расчеты метрополии с европейскими государствами.

Понятно, что такого рода модернизация «сверху» не была качественным изменением фундаментальных оснований индийской цивилизации. Однако появилось буржуазное государство, оснащенное институтами и функциями, необходимыми для участия в разделении труда на мировом рынке. Действуя подобным образом, колониальное государство формировало среду, которая потенциально могла усваивать принципы и модели поведения нового, индустриально-капиталистического образа жизни. С колониализмом в Индии появляется и западный прототип бюрократии как исторический вид организации власти. Ее внедрение на субконтиненте стало итогом развития британской метрополии, которая сформировала внутри индийского социума такие категории-институты зрелого капиталистического общества, как государство и политика – да и сама бюрократия. Иначе говоря, произошла своеобразная инверсия: современные институты развивались опережающе по отношению к недостаточно зрелому в экономическом, политическом и культурном планах индийскому обществу-цивилизации.

Превращение Индии в цивилизацию-государство предполагало оформление социальной общности, которая способна осознать себя как некую культурно-политическую целостность с определенным набором интересов, отличных от интересов британской метрополии. Однако, как полагали интеллектуальные лидеры, новые качественные характеристики индийское общество сможет обрести лишь тогда, когда основная часть народа ощутит себя историческим субъектом, т. е. сможет определить себя в категориях общенациональных интересов. Показательно, что творцы и исполнители имперской политики

рассматривали индийцев не столько как народ или нацию, сколько как выражение некоего географического пространства, населенного мириадами рас, племен и каст.

В колониальный период индийская цивилизация обрела дополнительные импульсы развития, поскольку нужды имперской политики стимулировали целевое распространение унифицированной европейской системы образования с ориентацией на профессиональную подготовку, рационализм, оптимизацию решений, чуткое ощущение самооценности времени. Можно утверждать, что западная система образования в стране с продолжительной интеллектуальной традицией стала одним из катализаторов и экономического роста, и развития гражданских отношений.

Параллельно государство-цивилизация в Индии обретало и свое социально-политическое пространство. Появление общественных организаций (1870–1880-е гг.) и партии Индийский национальный конгресс (ИНК) (1885 г.) заложило основу для развития современной политики в виде партий, общендийской элиты, а также ускорило развитие политической культуры и политического сознания. Впрочем, политическая интеграция диалектически сопрягалась со становлением других форм групповой солидарности: этнической, классовой, конфессиональной, локальной.

Активно влияло на общественные процессы и колониальное государство. Голландский социолог Я. Бремман подчеркивает: «...колониальное государство активно вторгалось в сферу экономических отношений». Имперские власти стремились сохранить преемственность механизмов эксплуатации. Поэтому колониальная экономическая политика в Индии была направлена на поддержание традиционных (доиндустриальных) социальных связей с единственной целью – «подчинить население требованиям нового [капиталистического] способа производства» [Rural Transformation in Asia 1991, 127].

Имперская политика имела противоречивые последствия для развития индийской цивилизации. В колониальный период сложилась дуалистическая социально-экономическая структура индийского общества. Основной содержательной характеристикой социума стала дезинтеграция социальной структуры. Одна ее часть представляла собой «полосу роста» (анклавы индустриально-капиталистического развития), которые черпали внутренний динамизм из мировой системы, тогда как другая часть, лишенная таких непосредственных связей-импульсов, выступала в роли пассивного резонатора по отношению к новым промышленным центрам и поставщика для них рабочей силы.

Фактически к введению Закона об управлении Индией во второй половине 1930-х гг. на ее территории появилось современное правовое государство со всеми подобающими атрибутами. Разумеется, трактовать колониальное государство как современный правовой институт означало бы забегать вперед, поскольку для обретения подобного качества отсутствовал ключевой функциональный признак – концепция разделения властей. Однако данное противоречие было преодолено после завоевания суверенитета в 1947 г. Созданное в колониальный период правовое государство составило институциональное пространство Индии, опосредованно став генератором современного политического процесса, с одной стороны, и приняв на себя функции преобразовательной инженерии, постепенно «подтягивая» социальную структуру к уровню современного государства, – с другой. Стоит иметь в виду, что каждый этап данного процесса был одновременно и приближением к гражданскому состоянию общества, и преодолением деформаций, доставшихся Индии от предшествовавших исторических эпох.

Дуалистическая структура общества и экономики, естественно, тормозила развитие индийской цивилизации, поддерживала ее замкнутую цикличность. Вот как советский индолог В.И. Павлов описывал некоторые траектории эволюции азиатских обществ, распространенные вплоть до XIX в.: «Переход от созерцательной к регулярной концеп-

ции времени – неперенное условие организации капиталистического производства и обращения, а в более широком смысле становления меняющегося индивида меняющегося общества. Сознание человека и общества оставалось замкнутой системой микро- и макроциклов, из которых слагался индивидуальный и социальный опыт, закрепляемый религией. Он оказывал обратное, понятное воздействие на ход исторического процесса, нередко придавая ему цикличную замкнутость. Разорвать ее было невозможно без коренного преобразования (Реформации) традиционного религиозного мировоззрения и сопутствующих ему социальных нормативов и иерархических принципов» [Жуков, Барг, Черняк, Павлов 1979, 263].

Преобразования в общественной жизни предполагали, что в индийском обществе есть сила-«гегемон», которая способна преодолеть «стационарную» динамику его развития и вывести социум на траекторию самоподдерживающегося роста. Отыскать такую силу внутри социальной структуры индийского общества изначально было сложно из-за недостаточной самоорганизации массовых слоев населения, прежде всего индийского крестьянства. Роль ускорителя социального развития легла на национальное государство. Колониальная власть эффективно включила Индию в систему мирового рынка, что способствовало развитию страны в условиях сосуществования с высокоразвитыми экономическими системами Запада и Востока [Sen 1982]. Данная особенность индийского государства обретает особую значимость сегодня, когда международная система переходит от состояния «униполю» к полицентричной организации мирового пространства.

Представительная демократия или «парламентский авторитаризм»? Пути политического развития независимой Индии

С проблемой национального государства логически связана более объемная и комплексная тема, которую в системе наук о переходных обществах именовали «стратегией развития». Она представляет собой целостность экономических, политических, идеологических и социокультурных факторов, которые одновременно воздействуют на социальную среду развивающихся стран. Цель – ускорить общественную трансформацию и создать предпосылки для адаптации слаборазвитых обществ к включению в систему многосторонних связей с промышленно развитыми государствами.

Комплексный характер стратегии развития предполагает, помимо прочего, диалектические взаимоотношения между экономическими и политическими началами данного процесса-явления. Такого рода связи постоянно сопровождали развитие Индии в период независимости. Так, американский экономист Л. Вейт полагал, что в самой стратегии развития Индии изначально было заложено противоречие между экономическими и политическими началами деятельности, которое постоянно стимулировало кризисы социально-политического развития страны в период суверенитета. Согласно Л. Вейту, стратегия экономического развития Индии неизменно строилась на директивных, мобилизационных началах (форсированная индустриализация, направляемое из Дели планирование и т. д.), тогда как в основе представительной системы правления лежали принципы компромиссного согласования разноречивых интересов. Постоянно возникавшие противоречия между экономическими императивами и политической целесообразностью он описывает следующим образом: «Применение правовых, реконсильационных принципов в экономической политике нередко препятствовало быстрым переменам и, таким образом, синхронно совмещало социальную стабильность и экономическую стагнацию». По мнению американского автора, из-за углубления противоречий между экономическими и политическими аспектами развития в середине 1970-х гг. перед правящими кругами Индии встала проблема

неизбежности выбора между консенсусно-компромиссными методами политического управления и директивными началами руководства (т.е. неизбежностью установления режима авторитарного типа), которые более соответствовали парадигме форсированной модернизации национальной экономики [Veit 1976, 20].

Стереоскопический взгляд на стратегию развития Индии в период независимости показывает, что ее власти синхронно действовали по нескольким взаимосвязанным направлениям. Во-первых, происходила интеграция неоднородной социальной и национально-этнической структуры индийского общества. Индийский национальный конгресс и оппозиционные партии на протяжении долгого времени разнились в своих оценках эффективности данной деятельности. Во-вторых, важным стимулятором общественных трансформаций выступал экономический рост, который, помимо прочего, должен был повышать уровень жизни массовых слоев населения и амортизировать возникающие социально-классовые конфликты. В-третьих, в стратегию развития Индии была заложена идея социальной справедливости: поступательного снижения имущественных диспропорций и диспаритетов в обществе, которое страдает от последствий статусной (кастово-сословной) иерархии и концентрации власти в руках ограниченного круга лиц («свокорыстных интересов»). В-четвертых, особое значение имело развитие политической демократии, которая через распространение своих принципов и практик должна была мобилизовать низшие касты на отстаивание своих интересов в отношениях с традиционными доминирующими группами, привить народу рациональные стереотипы поведения, а также развивать секулярные элементы в политической культуре населения [Kothari 1976]. Следует признать, что стратегия сознательного приобщения масс к политике (как к наиболее широкому общественному явлению) расширила социальную опору власти и повысила пластичность индийской политической системы.

Однако политической системе «государства-цивилизации» не удалось избежать противоречий, характерных для демократии представительного типа. Таковыми стали определившееся в конце 1960 – начале 1970-х гг. усиление аппарата исполнительной власти за счет представительных учреждений (дискуссии в которых часто не имели отношения к конкретным проблемам развития страны), а также новые, авторитарные акценты в деятельности руководителей политических партий. Сама логика развития последних привела к переоценке ценностей правящих групп. Выбору между программами и их исполнителями (кандидатами) пришла на смену иная альтернатива – стабильное или неустойчивое правительство. На рубеже 1970–1980-х гг. в Индии появились многочисленные публикации с критикой выбранного курса. В них отмечалось, что в стране сужается социальная основа политической системы, возрастает отчуждение между народом и центрами власти, что последняя не способна контролировать ход общей стратегии страны, а также эффективно регулировать деятельность других подсистем общества: государственного управления, науки и образования («развития человеческих ресурсов»).

Институционализация системы политического представительства не могла «реактивно» повысить уровень политического сознания и политической культуры населения в сверхкрупной стране. Недостаточное интеллектуальное развитие народа и неспособность многих индийцев соотносить свои действия и интересы – одна из важных причин слабости демократического контроля над партиями, правительством и государством, главный фактор коррупции в правящих кругах и госаппарате. Парламентская система в Индии, как писал в середине 1970-х гг. индийский автор Масани, «всегда служила заповедной зоной для незначительного меньшинства, обладавшего квалификационными и имущественными преимуществами, которые позволяли избранникам манипулировать данной системой в своих интересах. В... аграрном обществе, где над политическим поведением все еще

довлеют традиционные кастовые и экономические связи, всеобщее избирательное право никогда не гарантировало действительного политического участия... Аналогичным образом партия ИНК в годы независимости так и не трансформировалась в нечто большее, чем некий конгломерат элитных групп, соревнующихся за распределение доходных государственных должностей» [Masani 1976, 307].

Давно и справедливо подмечено: реальная угроза политической системе Индии исходила от безработных, молодежи, маргиналов из городской мелкобуржуазной среды и люмпенов в крупных и сверхкрупных городах Индии. Данный слой населения продолжает увеличиваться высокими темпами, что требует оперативных и профессионально выверенных действий федерального центра и властей в штатах. Как отмечают местные эксперты, балансировать политическую систему Индии в долгосрочной перспективе можно единственным способом: ускорить необходимые массовым слоям населения структурные преобразования, пусть и за счет ограничения интересов зажиточных кругов.

Политическая стратегия Индийского национального конгресса (ИНК) изначально была ориентирована на формирование в стране многочисленного среднего класса, чуждого крайностям как правого, так и левого толка. В настоящее время он насчитывает, по различным оценкам, около 300 млн человек. По западным оценкам, он не превышает 125 млн человек [Kochhar 2021]. Индия отличается от промышленно развитых стран тем, что помимо среднего класса в стране существует (и жаждет удовлетворения своих экономических интересов) широкая «коалиция» сил с участием интеллигенции, студенчества, различных отрядов рабочего класса, сельской бедноты и др. В последнее десятилетие ее социальный состав определенно расширился за счет разоряющейся части фермерской прослойки и ищущих работу выпускников высших учебных заведений. Пополнение среднего класса представителями «отверженных» стало важным направлением деятельности правительства премьер-министра Н. Моди. В данном случае рыночный характер преобразований не только не отменяет, но, напротив, предполагает активное использование фактора государства для повышения жизнеспособности «индийской модели развития».

Значительным вызовом Индии и ее статусу мировой державы остаются диспропорции и диспаритеты регионального развития страны. Так, «государство-цивилизация» по-прежнему существует как бы в трех измерениях. Первое измерение – хронически депрессивные штаты, в том числе и наиболее населенные: Бихар, Уттар Прадеш и Мадхья Прадеш. Во второе входят штаты, жители которых обладают средним уровнем дохода: Андхра Прадеш, Западная Бенгалия, Керала и Карнатака. Наконец, наиболее преуспевающими территориями считаются штаты Пенджаб, Махараштра, Хариана, Гуджарат и Тамилнаду. Показательно, что перепады темпов экономического роста между этими тремя группами штатов пока не имеют тенденции к сокращению, а более зажиточные штаты предсказуемо более эффективны в борьбе с бедностью [Smith 2007, 166–167]. Социальное нетерпение в индийском обществе усиливается и потому, что более 40% населения страны – это молодежь в возрасте до 20 лет [Smith 2007, 177]. Диспаритеты развития Индии отражаются и в показателях «уровня бедности». Так, согласно расчетам западных экономистов, за «чертой бедности» в стране проживают более 250 млн человек – свыше 20% населения [Bardhan 2010, 91].

Противоречия развития современной Индии в конечном счете предопределены объективным расширением социального пространства политики страны. В режиме реального времени к демократии и системе политического представительства приобщается многомиллионная масса индийцев, которые в силу исторических обстоятельств раньше были отстранены от процесса принятия решений по узловым проблемам их жизненного бытия. Расширение состава участников политического процесса ограничивает эффективность

«демократического управления», что описал индийский политический философ С. Кавирадж: «Демократическая модель управления функционировала относительно четко в начальные годы после завоевания суверенитета в 1947 г. прежде всего потому, что само общество еще не было достаточно демократизировано; затруднения с работой институтов представительства появились тогда, когда в народе начали утверждаться чувства политического равенства и социальной справедливости» (цит. по: [Bardhan 2010, 155]).

Характер политического процесса в независимой Индии определен многочисленными перегруппировками социально-классовых сил, что обусловлено вовлечением, со всеми пережитками массового сознания, новых крупных общественных групп, которые перешли из состояния «вековой» пассивности в режим сознательной активности. У такой пассивности были свои веские основания – прежде всего политэкономического свойства. «Классический» опыт исторического Запада показывает: обеспечить открытость политического процесса и политических систем на этом территориальном пространстве удалось за счет подвижности социальной структуры общества, ее способности освобождать индивида от груза представлений предшествовавших исторических эпох в ходе преодоления временной дезинтеграции хозяйственного организма и спонтанного перехода общества и экономики на новый, более высокий уровень внутреннего равновесия.

Однако в независимой Индии, как отмечал А.П. Колонтаев, «сохранение дезинтеграции... переходит в область динамики экономической системы, превращается в проблему взаимодействия основных ее звеньев... дезинтеграция не только отражает характер и особенности функционирования отдельных отраслей хозяйства, но и выражает... важные черты современной экономической структуры в целом» [Экономика Индии 1980, 18]. Выдающийся индолог Г.К. Широков предполагал, что дезинтеграция была причиной низкой общенациональной производительности труда и препятствовала экономическому росту и развитию. В условиях, когда индустриально-капиталистические уклады не обладают достаточной общенациональной преобразовательной силой, «важнейшее значение приобретало расширение экономических функций государства. Последнее путем социально-экономических преобразований, развития производительных сил и изменения условий отношений с мировым рынком должно было обеспечить интеграцию экономики на новом, более высоком уровне» [Экономика Индии 1980, 15].

Семидесятипятiletний опыт независимого развития Индии показывает: государство остается центральным элементом всей общественной системы, способным ускорять ритмы его эволюции, смягчать классовые противоречия и переводить их в безопасный режим, а также открывать каналы восходящей социальной мобильности для низких и низших каст, которые в прошлом не имели влияния на политические процессы. В связи с данной особенностью дискуссии между социально-политическими силами страны идут не вокруг темы государства или рынка, а затрагивают проблему более практического свойства – эффективного использования потенциала этого института в интересах общества в целом и массовых слоев населения в особенности.

Не стоит забывать, что политическое развитие «государства-цивилизации» протекает динамичнее, чем системы представительной демократии в Западной Европе и Северной Америке. Следствием «спрессованности» исторического времени в Индии стало развитие системы политического представительства, которую иногда называют «нелиберальной демократией» [Zakaria 2003]. Системы подобного типа советские востоковеды в 1980-е гг. характеризовали как «авторитарный парламентаризм» [Эволюция восточных обществ 1984, 296–381], что выглядит предметнее и конкретнее. Помимо Индии, «авторитарный парламентаризм» был распространен в Малайзии и Шри Ланке. Н.А. Симония полагал, что «наблюдаемый в этих странах (Индия, Малайзия, Шри Ланка) парламентаризм не

подлинно буржуазно-демократического свойства»: «каждой из этих стран удалось выработать особую форму политического компромисса между основными фракциями господствующих классов. Парламентская форма выступает здесь в качестве удобного каркаса, в рамках которого и под ширмой которого реализуется авторитарный по существу политический компромисс верхушечных слоев господствующих классов», – отмечал ученый [Эволюция восточных обществ 1984; 296, 297].

Концепцию «авторитарного парламентаризма» некоторые индологи посчитали дискуссионной. Они акцентировали внимание на многонациональном и поликонфессиональном характере индийского общества, который объективно осложнял «авторитарный компромисс» внутри господствующих классов и требовал распространить принципы сосуществования (консенсуса) на новые сферы взаимоотношений [Володин 1989, 6–7]. Впрочем, в последующий период политический процесс оказался столь сложным и противоречивым, что к дискуссии об «авторитаризме» и «демократии» в Индии пришлось вернуться в конце 2010-х – начале 2020-х гг.

В Индии всегда имели влияние политологи, выступавшие с алармистских позиций. Они опасались критического сужения социального пространства политической системы «крупнейшей демократии мира», что неизбежно привело бы к крупному общественному катаклизму с непредсказуемыми последствиями. Алармисты опасались, что политическое мышление экономически доминирующих сил и выражающих их интересы профессиональных политиков отстает от требований времени: они не способны рассматривать индийское общество стереоскопически, в диалектическом единстве проблем и противоречий и, соответственно, не осознают необходимость своевременных компромиссов с массовыми слоями населения. Подобная точка зрения неизменно оказывалась стратегически полезной, поскольку она задавала нужные параметры политике частнособственнических классов. Как представляется, основным вызовом индийской политике в начале XXI в. стал энергичный рост влияния демократических настроенных слоев населения, что выражается в социальном самоутверждении низких и низших каст – некогда приниженной и отверженной части населения страны. Соответствующие внутренние изменения происходили и в модели социально-политического развития страны.

Впрочем, один фактор развития Индии оставался неизменным – роль национального государства. Его влияние ныне возрастает вследствие необходимости регулировать процессы глобализации в интересах страны, а также поддерживать единство и территориальную целостность сложносоставного общества, как и сбалансированные отношения между центром и штатами. Особая функция индийского государства состоит в ускорении структурной перестройки народного хозяйства, которая привела к выходу страны в исторически уплотненные сроки на уровень передовых в экономическом и научно-техническом отношении стран мира. Определяющую роль государство сыграло и в перегруппировке сил в международной системе, в почти «реактивном» перемещении Индии в когорту мировых держав.

Возрастание роли государства в социально-политическом развитии Индии побудило некоторых политологов вновь обратиться к концепции авторитаризма развития – в измененном виде. Фактически речь идет о возвращении к парадигме «парламентского авторитаризма», с которой в середине 1980-х гг. выступил советский и российский политолог Н.А. Симония. Так, британский индолог Дж. Мэнор утверждает: «Индия более не является либеральной демократией... Лидеры Бхаратия Джаната Парти значительно продвинулись в построении нового порядка, качественно отличного от либеральной демократии. Этот порядок есть не что иное, как “соревновательный авторитаризм”... Новый политический порядок Моди подчиняет логике своего развития все общественные институты, аль-

тернативные центры власти и независимые голоса с целью создать автократию. Что есть «соревновательный авторитаризм»?... Это система, распорядители власти которой не отменяют формальные демократические процедуры, однако используют неформальные механизмы принуждения и контроля, сохраняя при этом формальную архитектуру демократии. В результате подобных действий возникает система-гибрид, которая сохраняет внешнее подобие демократии при незначительном содержательном наполнении последней» [Manor 2021].

Не вступая в полемику, имеет смысл высказать два принципиальных соображения относительно концепции «соревновательного авторитаризма». Первое: после президентских выборов в США 2020 г. многие индийские специалисты со здоровым скепсисом относятся как к понятию «либеральная демократия», так и к универсальному характеру данного явления. Второе: сама филиация идей, которые прошли путь от «парламентского авторитаризма» к «соревновательному авторитаризму», указывает на устойчивую повторяемость этапов политического процесса (с неизбежными особенностями последующих фаз исторической эволюции Индии). На переломных этапах индийской истории, когда перед обществом возникают качественно новые, параметрические проблемы, усиливаются институты государства и исполнительной власти (о чем убедительно пишет Дж. Мэнор). Суть дела заключается в том, что и И. Ганди, и Н. Моди – объективно сильные личности и волевые политики. Их самобытность налагает печать индивидуальности не только на деятельность политиков, но и на весь характер политического развития. Цивилизационная сущность индийского общества напрямую влияет на роль национального государства, которое сохраняет доминирующие позиции в обществе. Данная традиция берет свое начало в национально-освободительном движении. Оценивая путь, пройденный индийским «государством-цивилизацией» за три четверти века независимости, можно констатировать: центральным институтом экономической и политической модернизации индийского общества было и остается национальное государство, которое решает задачи снижения социально-имущественных диспаритетов, а также укрепления единства и территориальной целостности «крупнейшей демократии мира».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бонгард-Левин Г.М. (1980) Древнеиндийская цивилизация. Философия, наука, религия. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука». 333 с.
- Володин А.Г. (1989) Индия: становление институтов буржуазной демократии. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 214 с.
- Володин А.Г. (2008) Политическая экономия демократии. М.: Гуманитарий. 288 с.
- Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. (1979) Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М.: Наука. 331 с.
- Лооне Э.Н. (1980) Современная философия истории. Таллинн: Ээсти Раамат. 293 с.
- Праззаускас А.А. (1990) Этнос, политика и государство в современной Индии. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука». 304 с.
- Рейснер Л.И. (1993) Цивилизация и способ общения. М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература». 307 с.
- Спиридонова В.И. (2022) «Государство-цивилизация» как новая формула существования в XXI веке // Общественные науки и современность. № 3. С. 116–127.
- Травкина Н., Васильев В. (2022) Циклические закономерности процессов глобализации // Перспективы (Электронный журнал). № 2. С. 7–24.

Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного (1984) М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука». 581 с.

Экономика Индии: общая характеристика (1980) М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука». 271 с.

Bardhan P. (2010) *Awakening Giants, Feet of Clay. Assessing the Economic Rise of China and India*. Princeton-Oxford: Princeton University Press. 172 p.

Coker Ch. (2019) *The Rise of the Civilizational State: China, Russia and the Islamic Caliphate and the Challenge to the Liberal World bridge*. Cambridge: Polity Press. 230 p.

Embree A.T. (1980) *India's search for National Identity*. Delhi: Chanakya Publications. 144 p.

Huntington S.P. (1996) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. N.Y.: Simon & Schuster. 367 p.

Huntington S.P. (1968) *Political Order in Changing Societies*. New Haven. L.: Yale University Press. 488 p.

Huntington S.P. (2004) *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*. N.Y.: Simon & Schuster. 448 p.

Kochhar R. (2021) *In the Pandemic, India's Middle Class Shrinks and Poverty Spreads While China Sees Smaller Changes*. Pew Research Center. 18.03.2021. (<https://pewresearch.org/fact-tank/2021/03/18/in-the-pandemic-indias-middle-class-shrinks-and-poverty-spreads-while-china-sees-smaller-changes/>).

Kothari R. (1976) *Democratic Polity and Social Change in India: Crisis and Opportunities*. Bombay: Allied Publishers. 124 p.

Manor J. (2021) *New, Fundamentally Different Political Order: The Emergence and Future Prospects of 'Competitive Authoritarianism' in India* // *Economic and Political Weekly*. Vol. 56. Issue 10.

Masani Z. (1976) *Indira Gandhi: A Biography*. N.Y.: Crowell. 341 p.

Nayar B.R. (2005) *The Geopolitics of Globalization. The Consequences for Development*. Delhi: Oxford University Press. 301 p.

Rural Transformation in Asia (1991) Delhi: Oxford University Press. 532 p.

Sen A. (1982) *The State, Industrialization and Class Formations in India: A Neomaxist Perspective on Colonialism, Underdevelopment and Development*. L.: Routledge & Kegan Paul. 289 p.

Smith D. (2007) *The Dragon and the Elephant. China, India and the New World Order*. L.: Profile Books. 266 p.

Veit L.A. (1976) *India's Second Revolution: The Dimensions of Development*. N.Y.: McCraw-Hill. 402 p.

Zakaria F. (2003). *The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad*. N.Y.: W.W.Norton & Company Inc. 256 p.

Zakaria F. (2008) *The Post-American World*. N.Y.-L.: W.W. Norton & Company. 304 p.

REFERENCES

Bardhan P. (2010) *Awakening Giants, Feet of Clay. Assessing the Economic Rise of China and India*. Princeton-Oxford: Princeton University Press. 172 p.

Bongard-Levin G.M. (1980) *Drevneindiyaskaya tsivilizatsiya. Filosofiya, nauka, religiya* [Ancient Indian Civilization. Philosophy, Science, Religion] Moscow: Nauka Publishers, Oriental Division. 333 p.

Coker Ch. (2019) *The Rise of the Civilizational State: China, Russia and the Islamic Caliphate and the Challenge to the Liberal World Bridge*. Cambridge: Polity Press. 230 p.

Ekonomika Indii: Obschaya Kharacteristika [India's National Economy: General Analysis] (1980) Moscow: Nauka Publishers, Oriental Division. 271 p.

Embree A.T. (1980) *India's Search for National Identity*. Delhi: Chanakya Publications. 144 p.

- Evolutsiya Vostochnykh Obschestv: Syntez Traditsionnogo i Sovremennogo* [Evolution of Traditional Societies: Synthesis of Tradition and Modernity] (1984) Moscow: Nauka Publishers, Oriental Division. 581 p.
- Huntington S.P. (1996) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. N.Y.: Simon & Schuster. 367 p.
- Huntington S.P. (1968) *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press. 488 p.
- Huntington S.P. (2004) *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*. N.Y.: Simon & Schuster. 448 p.
- Kochhar R. (2021) *In the Pandemic, India's Middle Class Shrinks and Poverty Spreads While China Sees Smaller Changes*. Pew Research Center. 18.03.2021. (<https://pewresearch.org/fact-tank/2021/03/18/in-the-pandemic-indias-middle-class-shrinks-and-poverty-spreads-while-china-sees-smaller-changes/>).
- Kothari R. (1976) *Democratic Polity and Social Change in India: Crisis and Opportunities*. Bombay: Allied Publishers. 124 p.
- Loone E.N. (1980) *Sovremennaya Filosofiya Istorii* [Modern Philosophy of History]. Tallinn: Eesti Raamat. 295 p.
- Manor J. (2021) New, Fundamentally Different Political Order: The Emergence and Future Prospects of 'Competitive Authoritarianism' in India. *Economic and Political Weekly*. vol. 56, issue 10.
- Masani Z. (1976) *Indira Gandhi: A Biography*. N.Y.: Crowell. 341 p.
- Nayar B.R. (2005) *The Geopolitics of Globalization. The Consequences for Development*. Delhi: Oxford University Press. 301 p.
- Prazauskas A.A. (1990). *Etnos, Politika i Gosudarstvo v Sovremennoi Indii* [Ethnicity, Politics and State in Modern India]. Moscow: Nauka Publishers, Oriental Division. 304 p.
- Reysner L.I. (1993) *Tsivilizatsiya i Sposob Obscheniya* [Civilization and Mode of Interaction]. Moscow: Nauka Publishers, Oriental Division. 307 p.
- Rural Transformation in Asia* (1991) Delhi: Oxford University Press. 532 p.
- Sen A. (1982) *The State, Industrialization and Class Formations in India: A Neomarxist Perspective on Colonialism, Underdevelopment and Development*. L.: Routledge & Kegan Paul. 289 p.
- Smith D. (2007) *The Dragon and the Elephant. China, India and the New World Order*. L.: Profile Books. 266 p.
- Spiridonova V.I. (2022) "Gosudarstvo-Tsivilizatsiya" kak novaya forma suschestvovaniya v XXI veke ["Civilizational State" as a New Formula of Existence in the XXI Century]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. vol. 3, pp. 116–127.
- Travkina N., Vassiliev V. (2022) Tsiklicheskiye zakonomernosti protsessov globalizatsii [Cycles of Globalization and their Regularities]. *Perspektivy*. vol. 2, pp. 7–24.
- Veit L.A. (1976) *India's Second Revolution: The Dimensions of Development*. N.Y.: McCraw-Hill. 402 p.
- Volodin A.G. (1989) *Indiya: stanovleniye institutov burzhuaaznoi demokrati* [India: Development of Representative Institutions]. Moscow: Nauka Publishers, Oriental Division, 214 p.
- Volodin A.G. (2008) *Politicheskaya Ekonomiya Demokratii* [Political Economy of Democracy]. Moscow: Gumanitariy. 288 p.
- Zakaria F. (2003) *The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad*. N.Y.: W.W. Norton & Company Inc. 256 p.
- Zakaria F. (2008) *The Post-American World*. N.Y.-L.: W.W. Norton & Company. 304 p.
- Zhukov Ye.M., Barg M.A., Chernyak E.B., Pavlov V.I. (1979) *Teoreticheskiye problemy vsemirno-istoricheskogo protsessa* [Theoretical Issues of World History]. Moscow: Nauka Publishers. 331 p.

Информация об авторе

Володин Андрей Геннадьевич, доктор исторических наук, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. Адрес: Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997. E-mail: andreivolodine@gmail.com

About the author

Andrey G. Volodin, Doctor of Sciences (History), Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Address: 117997, Moscow, Profsoyuznaya Street, 23. E-mail: E-mail: andreivolodine@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 5.09.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 15.11.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 21.11.2022